

Департамент полиции, жандармы, либералы: особенности политического и публичного в Российской империи*

УЛЬЯНОВА Л. В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ И ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЛАСТЬ ИГРЫ, ИГРА ВЛАСТЬЮ. 1880–1905. СПб.: АЛЕТЕЯ, 2021. 358 с. ISBN 978-5-00165-156-7

Амиран Урушадзе

Доцент, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Научный сотрудник, Южный научный центр РАН

Адрес: Гагаринская ул., д. 6/1, литера А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187

E-mail: aurushadze@eu.spb.ru

Новая книга Любови Владимировны Ульяновой, с одной стороны — подтверждает актуальность изучения истории Российской политической полиции и продолжает ряд фундаментальных и концептуальных исследований¹. Однако с другой — монография выделяется среди указанных трудов как теоретической оснасткой, так и свежей интерпретацией обширного документального материала. Эта работа является новаторской и в историографии истории политической полиции: российский политический сыск впервые анализируется с концептуальных позиций социологии Пьера Бурдьё и «уликовой парадигмы» Карло Гинзбурга. Вместе с тем она созвучна современной историографической ситуации, сложившейся в изучении Российской империи рубежа XIX–XX веков, для которой, как известно, характерно размывание границ привычных общественно-политических пространств («либералы» — «консерваторы»), а также отказ от лагерной акторности («власть» — «общество»).

Монография посвящена истории взаимодействия Департамента полиции и губернских жандармских управлений с либералами и либеральным движением в 1880–1905 годах. Хронологические рамки исследования определены Ульяновой временем между созданием Департамента полиции как главного института империи в борьбе с противоправительственными настроениями (1880) и Манифестом 17 октября 1905 года как моментом начала важнейшего этапа трансформации политического пространства в империи. Необходимо отметить, что рассматриваемый в монографии период выделяет книгу среди других новейших исследований, посвященных институтам политического сыска. Так, монография В. В. Хутарева-

* Публикация подготовлена за счет средств Российского научного фонда, проект № 17-78-20117.

1. Хутарев-Гарнишевский В. В. (2020). Противостояние: спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Изд-во Ин-та Гайдара; Щербаков Е. И. (сост.). (2021). Политическая полиция Российской империи между реформами: от В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского: Сборник документов. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя.

Гарнишевского и сборник документов, подготовленный Е. И. Щербаковой, фокусируются на времени после 1905 года.

По хронологическому охвату и фундированности исследование сравнимо со ставшей уже классической работой З. И. Перегудовой², при этом монография Л. В. Ульяновой предлагает новые интерпретации взаимодействия Департамента полиции и либеральной части общества, а также существенно расширяет научные представления о кадровых особенностях институтов политического сыска, технологиях их работы.

Основной тезис сформулирован автором уже в дебюте: политический сыск и либералы не являлись непримиримо противостоящими сторонами, а скорее выступали участниками общего процесса обсуждения путей развития страны на рубеже XIX–XX веков. Соответствующим образом в работе рассматривается и основной источник — делопроизводственная документация Департамента полиции. Ульянова подходит к анализу этого документального массива как к нарративному пространству диалога политической полиции и либерального движения. Связующим теоретико-методологическим элементом монографии стали идеи Пьера Бурдьё (с. 51) — автор использует понятия социального поля, символического капитала и габитуса.

Еще одним важнейшим положением книги становится тезис, согласно которому российский политический сыск был идеологически далеко не однороден. Как показывает Ульянова, если для чинов губернских жандармских управлений было характерно казенно-официальное охранительство, то Департамент полиции и особенно его элита исповедовали умеренно-консервативно-либеральные, или «неославянофильские», взгляды. Таким образом, внутри политического сыска сформировались субкорпорации с устойчивыми системами восприятия социального мира и императивами действия.

Вводная часть содержит подробный и проблемно ориентированный обзор историографии. Его лучшие фрагменты представлены полемикой автора, в которой она убедительно показывает служебно-иерархическое первенство Департамента полиции среди других имперских институтов, занятых борьбой с оппозиционными выступлениями. Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) не занимался руководством политического сыска, а координировал работу различных жандармских структур с обширным функционалом. Непосредственно с политическим сыском соприкасались губернские жандармские управления (ГЖУ), при этом в данной сфере они подчинялись не ОКЖ, а Департаменту полиции (с. 14–15).

В первой главе подробно анализируются структура и кадровый состав политической полиции Российской империи. Ульянова описывает противостояние Департамента полиции и Корпуса жандармов за контроль над губернскими жандармскими управлениями, что позволяет по-новому оценить причины и обстоятельства создания охранных отделений. Их сеть формировалась не только в целях

---

2. Перегудова З. И. (2000). Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН.

усовершенствования политического сыска, но и в интересах Департамента полиции, стремившегося подчинить себе розыск (с. 63). В монографии подробно рассмотрена антропология различных институтов имперского политического сыска. Л. В. Ульянова контекстно показывает различия в кадровом комплектовании Департамента полиции, ГЖУ и охранных отделений. Чины этих структур отличались по уровню и/или специализации образования, а также по траекториям служебной социализации. Так, наиболее влиятельные чиновники Департамента полиции являлись профессиональными юристами, при этом большинство руководителей ведомства имели продолжительный опыт работы в судебных институтах. Как пишет автор, «будущие руководители политической полиции прошли все карьерные ступени — от секретаря суда или помощника следователя до прокурора окружного суда или судебной палаты» (с. 72). Многие представители департаментской элиты учились у выдающихся российских правоведов К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского, известных своим критическим отношением ко многим явлениям внутривластной жизни империи. Совсем другое образование имела большая часть жандармов. Как правило, они получили военное образование, а их служебный опыт ограничивался армейской службой. Отсюда характерная для армейской среды консервативная аполитичность. Этот сюжет рассматриваемой монографии содержательно перекликается с изданной годом ранее монографией В. В. Хутарева-Гарнишевского, где анализируются попытки Департамента полиции изменить образовательную структуру офицерских курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. Например, в 1909 году вице-директор Департамента полиции С. Е. Виссарионов настаивал на необходимости расширить курс государственного права, читаемый для жандармских офицеров. Как показывает Хутарев-Гарнишевский, хотя начальство ОКЖ и принимало помощь Департамента полиции, но вместе с тем считало, что жандармская служба имеет собственную специфику, а потому зачастую тихо саботировало подобные модернизаторские инициативы³.

Интеллектуальный и карьерный опыт влияли на особенности восприятия чинами различных имперских ведомств политической ситуации в империи. Одной из сильных сторон монографии Ульяновой, несомненно, является рассмотрение политического сыска как части российского общества: ведь чины политического сыска читали те же книги и газеты, ходили в те же театры, что и городская либеральная интеллигенция (с. 86). Таким образом, автор преодолевает архаичное идеологическое разделение социального мира империи на «власть» и «общество» — две аналитические категории, которые в историографии зачастую рассматривались и рассматриваются как противостоящие силы. Отказ от подобной социально-политической демаркации позволяет рассмотреть взаимодействие и конфликты в рамках единого коммуникативного пространства и избежать априорного приписывания акторов к лагерям либералов или реакционеров. Без подобного «просеивания» получается значительно более сложная и интересная ис-

---

3. Хутарев-Гарнишевский. Указ. соч. С. 60–62.

следователю картина. Анализ Ульяновой созвучен теоретико-методологическим основам истории «политической повседневности», сформулированным недавно К. А. Соловьевым: «В России второй половины XIX в. не будет жесткой грани, отделявшей власть и общественность. Сама бюрократия не будет представляться монолитной»⁴.

В книге предложен новый взгляд на взаимоотношения А. А. Лопухина, занимавшего пост директора Департамента полиции в 1902–1905 годы, и министра внутренних дел В. К. фон Плеве (1902–1904). В воспоминаниях современников и историографии отмечалось, что назначение «либерала» А. А. Лопухина в Департамент полиции было для «реакционера» В. К. фон Плеве попыткой заигрывания с «прогрессивными» кругами⁵. В монографии показано, что министр внутренних дел не препятствовал либеральным инициативам главы Департамента полиции. В январе 1904 года фон Плеве отменил негласный надзор, а в июне того же года передал рассмотрение дел о государственных преступлениях из Особого совещания при МВД в судебные институты (с. 100–102). В книге приведены и другие примеры, когда «реакционеры» действуют вполне либерально, а признанные «либералы», напротив, выступают с позиций реакционного охранительства.

Во второй главе рассматриваемой монографии предлагается анализ образов либерализма и либералов в делопроизводительной переписке чинов Департамента полиции. При этом «либерализм» неизменно ставится автором в кавычки, что поясняется в самом начале главы. Как отмечает Ульянова, в департаментской документации не найти соответствующих определений, даже сами выражения «либерал», «либерализм», «либеральный» встречаются в неотрефлексированном виде, вставленными в тексты без особого повода. Поэтому автор выбирает своеобразно трактуемую «уликовую парадигму» Карло Гинзбурга, которая призвана помочь в реконструкции сущностных черт либерализма в оценках политической полиции.

Палитра оценок «либерального» в документах ГЖУ и Департамента полиции была многообразна: от вполне безобидного просвещенческого либерализма до радикального, нацеленного на полное уничтожение самодержавия. Любопытно, что в документах политической полиции встречается показательное для понимания институциональной логики определение — «либеральная партия всех оттенков».

По документам ГЖУ можно судить если не об определении либерализма, то об экосистеме общественного движения в рефлексии жандармов. Так, либеральные идеи и либералы зачастую концентрировались вокруг общественных и просветительских институтов: земств, периодических изданий, библиотек, научных обществ. Либералы, по оценкам политической полиции, использовали эти инсти-

---

4. Соловьев К. А. (2021). Политическая повседневность: общие принципы и подходы // Будущее нашего прошлого-6: История повседневности и повседневность историка: Материалы международной научной конференции (27 ноября 2020 г.). М.: РГГУ. С. 31.

5. Архипов И. (2014). «Дело Лопухина»: «Необычайно яркий материал для оценки влияния политики на дело правосудия...» // Звезда. № 9. С. 118.

туты для интерпретации действий государственной власти и критики самодержавия. Особое беспокойство ГЖУ вызывало тверское земство, которое регулярно опротестовывало действия губернаторов П. Д. Ахлестышева (1890–1897) и Н. Д. Голицына (1897–1903). Представителями либеральных профессий в документах политического сыска считались литераторы, профессура, инспекторы народного образования, попечители учебных округов и адвокаты. Департамент полиции высоко оценивал влияние либеральных институтов самоуправления и периодики на общество. Служащие охранных отделений докладывали о связях либералов с представителями высшей власти, в том числе с великими князьями. Влиятельной группой либеральных лоббистов признавалась редакция «Вестника Европы» (с. 141).

Некоторые губернаторы опасались влиятельности либералов и предпочитали выстраивать дружественные отношения с земствами, редакциями газет, научными обществами. Ульянова отмечает, что это прямо влияло на деятельность ГЖУ, которые, в случае отсутствия доверенных отношений с губернской властью, оказывались в ситуации институционального одиночества и едва ли не полного бессилия (с. 143).

Для анализа употребления термина «либерализм» и однокоренных с ним понятий автором применялись и количественные методы. В монографии представлены показательные графики и таблицы, которые позволяют судить о частотности употребления соответствующих слов в делопроизводственной переписке политической полиции за разные годы, а также о контексте этих упоминаний (с. 146–153).

Третья глава монографии посвящена рассмотрению ресурсной базы либералов по документам политической полиции. Принципиально важным является вывод о том, что не только либеральная общественность понимала необходимость политического развития Российской империи, но и чины Департамента полиции полностью осознавали неотвратимость перемен в организации государственного порядка. Ульянова характеризует взгляды политической полиции (прежде всего ее начальства) как «умеренно-либерально-консервативное славянофильство» (с. 190). В этом — общем осознании актуальности определенной социально-политической реформации — главный ресурс либералов и либерального движения в Российской империи рубежа XIX–XX веков.

Настоящей исследовательской удачей Ульяновой следует считать анализ документов ГЖУ, в которых охарактеризованы «идейные либералы» и «примкнувшие», «лжелибералы». В монографии приведены примеры, в которых подобная классификация участников либерального движения перекликается с оценками консервативных публицистов (с. 192–196). Но есть и другая ассоциация: образ Стивы Облонского в «Анне Карениной» Льва Толстого. «Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, какого держались тоже многие из его круга, то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе к его образу

жизни», — примеров подобного «примыкания» к либерализму, вероятно, было довольно много.

Документы ГЖУ, приведенные в монографии, фиксируют прагматический подход дворянства к ситуации противостояния между земствами и губернской администрацией. Если дворянин мог получить выгоды от сотрудничества с земством, то он становился «либералом», в случае видимых перспектив, открывающихся со стороны губернатора, — оказывался «консерватором».

Одним из ресурсов либерального движения, как показывает Ульянова, были слухи. Кроме того, действия властей попадали в информационное пространство, которое частично контролировалось либеральной общественностью, и начальство ГЖУ регулярно докладывало о публичных выступлениях либералов с критикой правительственных мер. Подобные публичные выступления неизменно привлекали внимание публики, артикулированные публично оценки задавали тон общественному обсуждению. Перспективным видится замечание Ульяновой о том, что «вопреки господствующему в историографии представлению о государственном аппарате Российской империи как о самодовлеющей машине, можно предположить, что в действительности бюрократическая система была зависима от настроений и перепадов общественного мнения» (с. 224). Именно за контроль над общественным мнением, в том числе по ключевым вопросам о верной интерпретации нужд населения и оправданности правительственного курса, политическая полиция вела борьбу с различными оппозиционными группами — либералами, народниками, марксистами. К началу XX века наиболее влиятельной фракцией становятся либералы, которые оказались способны как влиять на имперскую элиту и шире — общество — так и активно проникать в структуры регионального самоуправления. Именно такая картина, как отмечено в рассматриваемой монографии, должна была складываться у Департамента полиции из докладов ГЖУ и охранных отделений (с. 233).

В заключительной, четвертой главе Ульянова подробно анализирует стратегии и технологии противостояния/взаимодействия политического сыска и либерального движения. В монографии показано поле взаимодействия политической полиции и либералов, а также разнообразные формы коммуникации участников этого диалога. Такая исследовательская оптика помогла автору уйти от традиционного описания, где стратегии, доступные политической полиции, сведены к прямолинейному репрессивно-карательному алгоритму. Так показано, как власть концентрируется не в государственных институтах, а в устанавливаемых нормах. При этом нормирование социального пространства производится совместно институтами и обществом.

Политическая полиция использовала различные методы воздействия на лидеров либерального движения. Наряду с пассивным и активным сбором информации практиковались неформальные переговоры с оппонентами власти, в качестве крайней меры следовала высылка из столиц империи. Ульянова приводит интересные свидетельства о специальных приемных днях в охранных отделениях, когда

политическая полиция принимала студентов, рабочих или вызывала для объяснений лидеров общественного мнения. Интересно, что некоторые либералы специально провоцировали подобный вызов для изложения своей политической программы перед начальством Министерства внутренних дел (с. 276). И это был не единственный способ обращения к политической полиции со стороны либеральной оппозиции. Общественные деятели периодически подавали в Департамент полиции ходатайства об отмене тех или иных ограничительных мер, в том числе об отмене запрета на проживание в столицах для определенных лиц.

Важнейшим сюжетом, представленным в книге, являются сведения о позиции Департамента полиции в отношении применения запретительных и репрессивных мер. Зачастую департамент игнорировал запросы ГЖУ и других ведомств о необходимости ограничить личную и институциональную деятельность (с. 298–302). Ульянова предложила интересный и обоснованный вывод о том, что позиция Департамента полиции по отношению к общественному движению была лояльнее, чем других имперских ведомств, в частности Министерства народного просвещения.

В заключении автор отмечает, что Департамент полиции как корпорация выступал за сильную власть, способную придерживаться определенного правительственного курса. Политика, проводимая правительством, могла быть непопулярной в обществе, но должна была оставаться неизменной. Тем с большей тревогой элита политического сыска наблюдала за попытками власти «оседлать» общественное мнение. Зависимость от публичной дискуссии лишала власть не только собственной политической повестки, но и подрывала ее легитимность. Политическая полиция, стремившаяся помочь власти в борьбе за свободу от оппозиционного общественного мнения, оказалась не у дел, в начале XX века в делопроизводительной переписке Департамента полиции все чаще звучит мотив институционального одиночества.

Книга Ульяновой имеет важнейшее значение в новейшей историографии Российской империи. Во-первых, показаны широкие возможности подхода к изучению российского общества второй половины XIX века как социального пространства, а не жестко организованной системы с четко определенными классами и ролями, о чем говорит и частое упоминание имени Пьера Бурдьё в тексте. Автор оригинально использовала понятийную систему и концепты французского социолога для интерпретации богатого архивного материала. Удачным следует признать реконструкцию габитуса чинов Департамента полиции и ГЖУ. Примеры приобретения различными структурами политического сыска определенных диспозиций восприятия показательны и красноречивы. Ульянова в деталях показывает читателю процесс формирования императивов поведения и реакций чинов политического сыска как интериоризацию структур окружающего их социального мира. Политическая полиция являлась частью общества и выступала одним из участников общественного диалога.

Во-вторых, взаимодействие политической полиции и либерального движения проанализировано в новом теоретическом контексте. Политическая полиция и либералы выступают в качестве сторон в социальной игре за символический капитал. При этом местом действия является поле публичной политики как относительно автономный микрокосм внутри социального мира. Именно формирование поля публичной политики на рубеже XIX–XX веков делает возможным композицию и декомпозицию различных социальных идентичностей, которые долгое время рассматривались как определенные роли. Ульянова убедительно показывает, что политический сыск и либералы были скорее именно партнерами в игре, чем непримиримыми противниками. Не менее важно, что обе стороны совместно производили и поддерживали конвенциональные нормы политической повседневности.

Наконец, в-третьих, рассматриваемая монография усиливает наметившуюся в историографии тенденцию к изучению служебно-иерархических противостояний и роли неформальных отношений и связей в борьбе за бюрократическое и/или политическое влияние. Замечания Ульяновой о постоянном служебном перемещении жандармских офицеров и сотрудников охранных отделений между различными российскими губерниями дополнительно актуализирует вопрос о значении внутриимперского трансфера людей, идей и технологий.

Указанные сильные и новаторские положения монографии Ульяновой могут одновременно вызывать серьезный скепсис и принципиальные возражения. Попробуем сконструировать диалог с воображаемым «идеальным» критиком монографии. В первую очередь он обратит внимание на авторский тезис о Департаменте полиции и либералах как равноправных участниках обсуждения путей развития России во второй половине XIX — начале XX века. Упрек может заключаться в отказе верить в саму возможность какой-либо политической игры со стороны института государственной полиции. Такое суждение будет основано на убеждении в утилитарных характеристиках полицейских (и вообще государственных) институтов Российской империи. В данной логике Департамент полиции это институт, единственной функцией которого выступает обеспечение безопасности и нерушимости самодержавного строя. Соответственно, любые оценки оппонентов власти для чинов Департамента полиции обусловлены правовой прагматикой, направленной на уголовную классификацию антиправительственных выступлений. Все это действительно убедительные тезисы, к которым подталкивает как историографическая традиция, так и имеющийся массив исторических свидетельств, представляющий собой имперское делопроизводство. Совершенно очевидно, что любой историк Российской империи находится в «заложниках» у имперской бюрократии. Имперские государственные институты и населявшие их чиновники привычно выглядят как люди-функции: полицейские ловят либералов и революционеров, Минфин экономит деньги, Министерство народного просвещения следит за нравственностью и лояльностью обучающихся и так далее. Перед нами как будто реальность, но реальность, полностью лишенная субъективности акто-

ров. В такой картине власть концентрируется в институциональных функциях, а ее оппозиция в идейных течениях. Однако властью и авторитетом в Российской империи были наделены не только институты и идеологии, но и люди. Увидеть человека в разнообразии его социальных валентностей, анализируя имперское делопроизводство, очень трудно, но, как показала Ульянова, все же возможно. В рассматриваемой книге субъективность полицейских чиновников осмысливается через категории социологии П. Бурдьё, и результатом становится выявление этоса корпорации, а также аналитическое определение правил противостояния Департамента полиции с российскими либералами. Таким образом, имперская бюрократия обретает субъективность, говоря попросту — мы начинаем слышать голос Департамента полиции. И это главный и важнейший результат рецензируемой монографии.

Представляется, что возможным следующим шагом в развитии «имперской» историографии, в том числе исследований полицейских институтов, могут стать работы, опирающиеся на постбурдианскую социологию. Концептуальными ориентирами здесь будут уже идеи Люка Болтански и Лорана Тевено, и прежде всего образ невидимой власти (государства)⁶ и понятие «вовлеченности»⁷. Представление о формальных институциональных правилах и функциях государственного аппарата, то есть видимая часть российского бюрократического левиафана, дополнится системным анализом неформальных отношений и патронажных сетей. В свою очередь, выявленная корпоративная субъективность является первым подходом к пониманию (не)устойчивости личности в различных ситуациях. Расслышав голос Департамента полиции, мы обретаем желание услышать голоса его чиновников в разнообразии их интонаций.

Police Department, Gendarmes, Liberals: Peculiarities of the Political and Public in the Russian Empire

Amiran Urushadze

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, European University at St. Petersburg
Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address: Gagarinskaya str., 6/1A, Saint Petersburg, Russian Federation 191187
E-mail: aurushadze@eu.spb.ru

Book Review: *Lubov Ulyanova. Politicheskaja policija i liberal'noe dvizhenie v Rossijskoj imperii: vlast' igry, igra vlast'ju. 1880–1905* [The Political Police and the Liberal Movement in the Russian Empire: The Power of Game, the Game of Power, 1880–1905] (Saint Petersburg: Aletheia, 2021) (in Russian).

6. Болтански Л. (2019). Тайны и заговоры: по следам расследований / Пер. с фр. А. Захаревич под науч. ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб.

7. Тевено Л. (2018). Жизнь как испытание / Пер. с фр. А. Зайцевой и О. Николаевой // Неприкосновенный запас. № 3. С. 3–29.